Дикий

Автор:
Марина Кистяева

Дикий

Марина Анатольевна Кистяева

Милану с раннего детства отлучили от родного дома. Изолировали. Увезли в горы, где девушка росла в обществе недружелюбных наставниц. Почему? Зачем? Ей исполнилось девятнадцать, когда родной отец вспомнил про неё и приказал привезти домой. С какой целью? И кто тот загадочный мужчина, что повстречался ей в придорожном гостевом домике? Он властен, силен, неотразим. И от него кружится голова. Но так ли случайна была их встреча? Кто ты, Дикий? И кто ты, Милана?Содержит нецензурную брань.

1

Она дернула рычаг и заглушила двигатель, после чего уронила голову на руль и закрыла глаза.

ОН её убьет.

Порвет на части. Уничтожит.

При этом будет смотреть, как её глаза наполняются первозданным ужасом и улыбаться.

Что она наделала…

В груди защемило не то от злости, не то от ужаса. Да, ярость всегда была и останется плохим советчиком, только кто же в состоянии остановиться, когда… Дина оборвала себя.

Хватит.

Нельзя поддаваться панике. Сейчас она войдет в дом, и что-нибудь придумает. Обязательно придумает. Соберется с мыслями и…

Его, своего хозяина, она увидела, стоило повернуть голову вправо.

Он стоял на балконе второго этажа, вцепившись пальцами в перила балкона, и жадно всматривался в стекла машины, пытаясь поймать её лицо. Дина это знала.

Он всегда её ждал. И сегодня не исключение.

Чувствуя, как дрогнули колени, Дина расправила несуществующие складки на черной юбке и толкнула дверь автомобиля.

Пора.

Каяться и искать защиты.

Она словно видела себя со стороны – высокая и стройная, облаченная в элегантное платье ниже колен, в туфлях-лодочках, она двигалась по брусчатке с непередаваемой грацией хищницы. Каждое её движение гипнотизировало. Легкая походка, сводящая с ума всех особей мужского пола и заставляющая давиться завистью и похотью. Что не они ей обладали. Не они прикасались к роскошному телу. Не они ей владели.

Встряхнув короткими черными волосами, Дина поднялась по широкой мраморной лестнице и на мгновение задержалась перед дверью. Перевела дыхание.

Двум смертям не бывать, одной не миновать. Муж любит её.

Любит…

Её шаги растворились в толстом персиканском ковре. Теперь оставалось подняться на второй этаж. Это уже сложнее. Дина никогда не была трусихой, сейчас – пасовала.

Но идти надо было. Надо. Иначе…

Димитриос ждал её на балконе. Сукин сын! Мог бы вернуться в кабинет. Облегчить ей задачу. Но нет. Стоит, даже не повернувшись. И ведь, наверняка, всё уже понял.

– Где ты была? – сухой голос неприятно резанул и без того натянутые до предела нервы.

Дина сглотнула и выпрямила спину.

– Охотилась.

– Охотилась? – теперь в его голосе появились вкрадчивые сладостно-приторные нотки.

Спина Дины стала ещё прямее.

– Да.

Димитриос медленно, лениво повернулся к ней лицом.

Соизволил.

Тяжелый взгляд карих глаз пронзал насквозь. На красивом мужественном лице застыла холодная маска: ни мыслей, ни действий, ни чувств – ничего – совершенство контроля над собой. Эта его черта бесила Дину до чертиков, а иногда она, словно балуясь, специально выводила мужчину из себя, будто устанавливая женское превосходство над ним.

Это она могла и умела.

Сейчас всё было иначе. Радовало, что он контролирует себя. Значит, расплата будет не ежесекундной. Значит, есть шанс.

Димитриос смотрел на неё и молчал, заставляя нервничать сильнее. Опыт прожитых лет подсказывал, какую маску следует в этот момент примерить ей. Она раскроется…чуть позже.

Наконец, он заговорил:

– А я тебе давал добро на охоту?

Плохой вопрос. Очень.

– Нет, – Дина сделала эффектную паузу, даже улыбнулась чувственно и обещающе, – но я не смогла сдержать порыва.

Уголок верхней губы Димитриоса нервно дернулся, выдавая бушующие внутри дикого зверя эмоции, вот-вот готовые вырваться на свободу…

И они сорвались, вырвались наружу, обрушились на Дину всепоглощающим цунами.

Димитриос был силен и ловок. Быстр и жесток. Девушка и это знала. Именно сейчас, в эту секунду, когда большая ладонь мужа сжала её горло, пришлось в очередной раз убедиться в тяжести и непоколебимости его характера. Жалобный хрип вырвался из груди несчастной, она побледнела, а смелость и бравада сейчас же испарились. Неловко взмахнув одной рукой, вцепилась длинными пальцами с аккуратным маникюром в его руку, делая жалкие бесполезные попытки оторвать чужие пальцы от своего горла и хоть немного ослабить хватку.

Тщетно.

– Не смогла сдержать порыв?! – прорычал мужчина, и его лицо исказилось от ярости. Он смотрел на женщину с ненавистью, в глазах то и дело вспыхивали кровавые всполыхи, грозящиеся сжечь Дину заживо. – Ты!!!..

Она громко застонала и дернулась, пытаясь вырваться.

Не получилось.

– Пусти, – прохрипела, чувствуя, как давление таких родных и любимых пальцев усиливается.

– Пустить?! Тебя?! – не сказал – выплюнул мужчина и рванул женщину к себе, продолжая удерживать её горло. Он верно рассчитывал силу – где сжать, где надавить. И, несмотря на гнев, клокочущий внутри, в его планы не входило причинение вреда Дине.

О, нет! Кому угодно, только не Дине.

Не этой мерзавке, взявшей его за яйца, привязавшей к себе надежнее всяких пут. Не этой дряни с глазами невинной девы и с телом искусительницы.

– Меня…

Любая другая уже тряслась бы от страха. Воняла им. Смердила. Но только не она… Всегда на грани чувств и эмоций. Всегда готовая рискнуть и победить.

Его, мать твою, Дина!

– Как ты…

Он не договорил, оборвав себя. Шумно задышал, отчего крупные ноздри затрепетали, а лицо исказилось. Из последних сил боролся, сдерживая себя от перекидывания. Перекинется – Дине конец.

Чужая кровь на его женщине… Это будет приговором.

И Дина почувствовала, что и она находится на грани. Именно в этот момент. Здесь и сейчас решается её судьба. Её жизнь. Как никогда ранее, она приблизилась к бездне, за которой не существует ничего, лишь пугающая давящая пустота.

И женщина, действуя интуитивно, преодолевая боль в горле, послала своё тело вперед. Прижала его к крупному телу мужа, чтобы тотчас почувствовать, как оно вибрирует. Где-то в глубине души, там, где страх уже растопырил свои пальцы-крюки с острыми когтями, расцвел цветок женского ликования.

Она владела своим мужем. Владела… От кончиков волос до пят. Он был её.

– Он появился из ниоткуда, – выдохнула она приглушенно, обдав его жаром своего дыхания, окутав непередаваемым, только ей присущим ароматом. И победно заметила, как карие глаза заполняются такой знакомой поволокой – реакцией на её прикосновение. Казалось, такое невинное, ничего не значащее. Она лишь прижалась к мужу, дала почувствовать каждый свой изгиб, и он начал сдавать позиции.

Всё верно. Так и должно быть.

Приглушенное рычание вырвалось у Димитриоса:

– Это кровь мальчишки!!!

От его рыка пошатнулись картины на стене, и задребезжала мелкая утварь на большом письменном столе. Этот рык внушал страх обитателям дома и окрестным жителям.

Для Дины он был звуком мужского поражения.

– Да, – выдохнула она, сильнее вдавливая свое тело в тело мужа. Глаза изменили цвет, стали более насыщенно янтарными – первый признак зарождающегося вожделения. Дина ненавидела себя в такие секунды. Как могла она – в целом здравомыслящая женщина! – идти на поводу у своих инстинктов, которые вопили ей, что истинную страсть можно познать, лишь осторожно ступая по лезвию клинка.

Что она и делала. Всегда.

– Мальчишка…

– ЕГО мальчишка!!! – прогрохотал Димитриос, разжимая горло супруги. Но лишь для того, чтобы в следующий момент жадно подхватить её под ягодицы, раздирая платье выступившими когтями.

Дина застонала. Громко. Так, как он любил. Забираясь тем самым стоном под кожу властного и жестокого мужа, делая его пластичным, гибким, подвластным её желаниям и прихоти.

Когти не ранили женскую плоть. Пострадала лишь ткань. Ненужная, лишняя.

Мужские руки властно сжали бедра, оставляя красные отпечатки, грозившие со временем приобрести фиолетовый оттенок. Плевать. Сейчас речь шла о её жизни.

Дина изогнулась, заерзала, уткнулась в шею мужа.

– Ну и что?… Он вылетел на обочину, я не заметила…

– Его кровь на тебе, – прохрипел Димитриос, резко разворачиваясь. Сделав два огромных шага, больше походивших на хищные прыжки в сторону стены, он впечатал в эту самую стену спину жены, не заботясь, что удар будет сильным.

Его желание было сильнее.

Её аромат… Чужая кровь… Запах охоты… Адреналин его, её, кого-то другого, всё смешалось, слилось в единый непостижимый кубок с манящим тягучим вином, который предстояло выпить до дна.

Часто, обрывисто дыша, Димитриос задрал остатки платья жены, нашёл бегунок на брюках, рванул его вниз, и вот уже его налившийся член, больше походивший на таран, врывается во влажное лоно Дины, срывая с её губ стон удовольствия и боли.

– Да…

Она откидывает голову назад, чувствуя, как большое естество мужа разрывает её, растягивает, подчиняет. Грубый секс она любила. Чтобы вот так – жестко,

властно. Без прелюдии, без нежных прикосновений. А клеймя, заявляя свои права на её тело. Делая больно лишь для того, чтобы в следующую секунду подарить сумасшедший жар, поглощающий её тело разом, не давая ни единого шанса на спасение.

Именно так она любила. Димитриос это знал, и знание лишало его рассудка. Хрупкая на вид Дина была неутомимой любовницей, готовой раз за разом экспериментировать, идти всё дальше и дальше в неконтролируемой жажде грязного удовольствия. Он не собирался её брать. Напротив, собрался, наконец, наказать за непослушание, поставить зарвавшуюся сучку на место. Ан нет! Проиграл, стоило только вдохнуть запах её тела. И вот он, как молокосос, поспешил вставить свой член в её узкое – до сих пор узкое! – лоно и таранить, таранить, таранить. Насаживая её на себя, подкидывая бедра вверх, туда, где зиждется призрачное удовольствие. Удовольствие, окрашенное в красный цвет.

Его движения были резкими. Голова женщины несколько раз ударялась о стенку, воспроизводя глухие звуки, смешанные с яростными остервенелыми стонами и липким стуком двух соединяющихся тел…

Выплеснув внутрь супруги семя, издав последний победный, как он считал, стон, Димитриос вышел из жены, медленно осел на пол, притягивая и её за собой.

Она не сопротивлялась. Позволила повалить себя.

Затаилась.

Когда их дыхание выровнялось, он задал вопрос, который не мог не всплыть, в виду последних событий:

– Ты убила его?

Уточнять, кого – не имело смысла.

– Нет.

– Поранила?

– Да.

– Как сильно?

– Я не знаю…

– Проклятье, Дина, как ты не знаешь! Вспоминай!

– Немного… Лицо, тело… – сорвалась. – Да не помню я! Как в беспамятстве была! Сбила его машиной, почувствовала кровь и…

Она врала. Искусно.

И он ничего не почувствовал.

Звериное чутье дремало, насытившись женской плотью.

– Ты понимаешь, какие наступят последствия? – карие глаза пытливо всматривались в красивое лицо, на котором ещё сохранились отголоски только что испытанного оргазма.

Дина сглотнула.

О, она-то отлично понимала.

– Да.

– И?..

– Димитриос…

– Дина, и?..

Голос стал более требовательным, к нему снова вернулись жесткие мужественные нотки.

– Он придет к нам?

– Ты должна не спрашивать, мать твою, а утверждать! – зарычал Димитриос и прикрыл глаза. По телу прошёлся электрический ток, инстинкты зверя, подавляемые разумом, готовы были возобладать. Не сейчас. Рано. Не тогда, когда требовалось четко обозначить проблему и найти выход.

Выход… Только где он?

– Пожалуйста, не кричи, – она облизнула пурпурные губы, опухшие от яростных поцелуев.

– Не кричать? – он сбавил тон, понимая, что уже проиграл. Не наказал раньше, не накажет и сейчас. А срывать зло на ней – какой смысл? Перевел дыхание и продолжил: – Ты должна очень четко понять – он не простит. Не забудет. Не сделает вид, что ничего не было. Он придет. Не сегодня. Через несколько дней. Помучает нас ожиданием. А потом вырежет. Тебя, меня и нашего сына! – При упоминании о сыне голос Димитриоса дрогнул. Воображение – будь оно неладно! – нарисовало картину растерзанного годовалого сынишки, и холодный пот выступил на спине мужчины. Димитриос мог пожертвовать кем угодно, но не долгожданным сыном! Не наследником!

Дина задрожала. Наверное, только сейчас, когда услышала безжалостные слова мужа, до неё окончательно дошло, что она натворила.

Именно она.

Сознательно. Из-за злости и женской обиды.

Она…

Потянулась к мужу и дотронулась до плеча.

– Послушай, мы можем уехать… Прямо сейчас…

Ответом ей послужил ироничный смех, эхом прокатившейся по комнате и потухший, ударившись о глухой угол.

– Уехать? От него?

– Тогда охрана! Найми людей…

– Дина, не дури! Ты понимаешь, о ком мы говорим? Какие к черту люди! Какая охрана! Дикого ничто и никто не остановит! Он будет идти по нашему следу, методично, изо дня в день, из года в год, и не успокоится до тех пор, пока не сочтет, что его месть свершилась! А я, надеюсь, ты понимаешь, что Дикий будет мстить? Всем нам!!! Всему нашему клану!!

Дина зажмурилась, прикусив губу до крови. Потом, часто задышав, суетливо начала вставать на колени, отчего её красивая грудь, не испорченная родами и кормлением, кокетливо колыхнулась в такт её движениям.

– Димитриос… Димитриос… – женщина разволновалась не на шутку. По загорелому телу пошли некрасивые красные пятна. – Послушай… Есть выход… Есть! И я знаю, ты подумал о нем же!

– Нет!

– Димитриос! – в голосе говорившей прорезалось отчаяние.

– Нет, я сказал!!!

– Подумай о сыне!!

– Женщина! Она – моя дочь!!!

– А он – твой сын… И я… я рожу тебе ещё ребенка… Девочку… Димитриос…

Видя, что супруг колеблется, Дина подползла к нему на коленях. Чувствуя, как слезы слабости, навеянные, к её стыду, не переживанием за малолетнего дитя, а тревогой за собственную жизнь, малодушные, унижающие, застилают глаза, она протянула руку и коснулась его мошонки.

Мужчина вздрогнул.

Она согласна родить ему ещё… Соблазн, которому она ранее противилась.

Один ноль в пользу её безумного предложения.

Два ноль – её губы сомкнулись на его члене, а язычок – шаловливый, порочный, облизнул розовую головку с жемчужной капелькой.

Она не оставила им выбора.

Никому.

2

Милана была проклята. Не было никаких сомнений. В правоте своих удручающих выводов она убеждалась каждый день. Изо дня в день. А что говорить про те короткие, но столь долгожданные дни, когда на темном небе восходила кровавая полная луна, красотой затмевающая разум, калечащая юную неокрепшую душу.

Но у Миланы не было души, ничего не было. Никого. И это правильно. Потому что у таких, как она, не может быть близких и любимых людей. Тех, к кому можно прийти темной ночью, лечь рядом и почувствовать, как заботливые руки обнимают тебя, огораживая от всяческих бед и напастий.

Она закрыла глаза и постаралась успокоиться. Бесполезно. Паника и отчаяние снова подкрадывались незаметно, забыв постучаться в дверь. В последнее время они стали частыми гостями. И Милана ничего не могла с этим поделать, ничего.

Грешница, порой тихо начинала радоваться своему безумию. Когда она окончательно сойдет с ума, будет проще. Она перестанет понимать, где черное, а где белое. Что хорошо, а что плохо. В чем заключается добро и отличается ли оно от первозданного зла.

Находясь в неопределенной прострации, она мало, что понимала.

Лишь безумие и одиночество протягивали к ней свои большие дружественные ладони.

Да старый добрый Егор.

Прерывисто задышав и распахнув глаза, Мила села на кровати. Облизнула пересохшие губы. Что с ней происходит… что?

Она догадывалась, даже далекие отголоски правды вводили её в ступор, после которого хотелось, сломя голову, нестись на кухню, чтобы схватить нож и полоснуть себя по венам. Это ещё раз подтверждало – безумна и проклята…

Когда она начинала думать о Егоре, как о мужчине…

Застонав и стиснув зубы, Мила снова повалилась на кровать. Кто для неё Егор? Человек, воспитавший её? Отец? Нет! Он тот, кто был всегда рядом, умудряясь при этом сохранять дистанцию. Не друг, не наставник. Просто он всегда присматривал и оберегал. Защищал. А она…

Она в своем безумии и жажде утолить боль, которая приходила каждый месяц, начинала рассматривать Егора, как мужчину, и чувствовать себя предательницей.

Замотав головой, отчего угольно-черные волосы разметались в беспорядке, Мила резко села, поспешно соскочила с кровати, на которой одиноко осталась лежать так и не раскрытая книга, и подбежала к зеркалу.

– Что, черт побери, с тобой не так? – задала она риторический вопрос своему отражению.

На неё из глубин зеркальной поверхности смотрела красивая девушка с безумными глазами. Красивая – тоже условно. За свои девятнадцать лет Мила не видела ни одной юной девушки, лишь почтенные матроны периодически наведывались к ней, чтобы дать те крохи образования, которые она впитывала, как губка.

Высокая. С глубоко посаженными янтарными глазами. Может быть, из-за глаз она проклята? Цвет необычный, даже она в своем невежестве это понимала. Или дело в её губах? Хотя нет. Губы, как губы. Немного, правда, полноватые. Высокие скулы и заостренный подбородок скрадывали их деликатную полноту.

Тогда в чем дело? В чем?!

Мила, чувствуя, как зарождается злость, резко, суетливо, порывистыми движениями потянула тонкий пояс струящегося халата, едва не вырвав его с корнем. Шелковые полы распахнулись. Такими же рваными движениями Мила поспешила избавиться от неугодной ткани, под которой ничего не было.

Теперь зеркало отобразило её наготу. Полную грудь. Талию с небольшим животиком и полноватые округлые бедра. Ничего лишнего. Фигуры, подобные её, Мила в избытке видела на картинках художников прошлых столетиях. Красоту изображенных женщин восхваляли и превозносили разные поколения. В каждом мазке чувствовался восторг и поклонение. Женское хитрое податливое тело правило миром и подчиняло себе время.

А Мила ненавидела своё тело.

Беспричинно. Просто так. Ненавидела и всё.

Оно умело меняться. Приобретать другой, более ужасный вид.

И скоро снова изменится.

Повернувшись, Мила осмотрела себя со спины. Крупная попа. Такую не скроешь под платьем. Да и смысл ей что-то скрывать, если никогоза свою непродолжительную жизнь, кроме Егора да наставниц, она ни разу не видела?

Сердце ёкнуло, толкнулось в груди, точно обличая её: «Врешь».

Был ещё один человек, которого она смогла бы узнать в лицо.

Димитриос Лавинский. Её отец.

Навещавший её четыре года назад. А до этого – ещё пять лет безмолвного существования где-то там, за стеной, где, наверняка, ему жилось комфортно и хорошо.

Милана заскрежетала зубами. О, ей комфорт тоже был обеспечен! Красивый дом с ограниченным доступом, затерявшийся в скалах. Скалы, которые она ненавидела больше, чем себя. Скалы, причинявшие боль, когда она срывалась и убегала. Скалы, ставшие её тюрьмой.

Она хорошо помнила последний приезд отца. Он пробыл с ней не больше получаса.

– Ты выросла, – холодные бесчувственные слова, простая констатация факта.

Мила часто вспоминала тот день.

Свои эмоции. Свои надежды.

– Забери меня с собой, – глупая фраза, идущая из самой глубины трепещущего юного сердца.

– Нет.

Слово, режущее больнее ножа.

И слезы, застлавшие глаза. Мила ещё малышкой разучилась плакать, а тут…

– Папа…

– Нет.

Она бежала за ним босая, по холодному снегу. В тот день погода свирепствовала, точно стихия знала, девочке с необычными глазами сегодня будет очень больно. Так больно, как никогда ранее. Природа предупреждала юную Милану, нашептывала, чтобы та оставалась дома, образумилась.

Куда там!

Мила надеялась, что в этот раз всё будет иначе. Может, отец заберет её? Ведь тогда, десятилетней, он пообещал.

– Придет день, и я заберу тебя отсюда.

В пятнадцать лет Мила верила – тот день, самый долгожданный, самый лучший, настал.

Сейчас, когда ей исполнилось девятнадцать, она перестала ждать приезда отца. Безумие и одиночество – вот её родственники. Вот то, что неустанно, постоянно, беспрестанно присутствуют рядом.

А родитель… Есть ли он?

Она сомневалась.

Детей не бросают. Их оберегают, холят и лелеют. Любят.

Так она читала в книгах.

Милана ещё раз окинула себя в зеркале. Всё бы ничего, даже хорошо было бы. Можно найти в себе силы и смириться с тем, что заточена. Ей уготовлена жизнь затворницы, видимо, она не такая, как все. Иначе, почему её отгородили от всего мира? Она справилась бы со своим одиночеством, если бы не эти дни.

И не Луна…

Поддавшись мимолетному порыву, Мила дотронулась до гордого изгиба ключицы, замерла на секунду, потом скользнула вниз и задержалась на сосках. Ей было хорошо знакомо своё тело. Тактильно она его знала наизусть. Каждую клеточку. Каждую выпуклость. Тело тоже было безумно. Именно с него всё и началось.

И снова начнется. Через несколько дней.

За тонкими шторами из невесомой бежевой органзы с витиеватым орнаментом просматривалась неполная Луна. Скоро всё изменится. Скоро. Изменится и она…

Короткий стук в дверь прервал её невеселые мысли и заставил вздрогнуть.

– Минуточку, – крикнула она и метнулась к двери. Тело, точно окунули в жбан с кипящим маслом, оно мгновенно вспыхнуло. И отчего? От шальной мысли, стремительной кометой, промчавшейся в её голове, – если бы Егор не постучал, а сразу вошел, как не раз делал до сегодняшнего дня, то увидел бы её обнаженной. Как повела бы себя она? Прикрыла руками грудь и темную поросль между ног? Или стояла бы, гордо расправив плечи? Во всей своей женской красе?

Мысль – нереальная. Срамная!

Дрожа от непонятного волнения, Милана кое-как засунула руки в широкие рукава, туго завязала мягкий тонкий пояс. Кое-как прибрала непослушные волосы, чтобы не выглядеть растрепанной.

– Заходи, Егор.

Мила давно поняла, что обладает неким даром сверхобоняния. Стоило один раз услышать запах, и потом она могла узнать и определить его за несколько метров. Вот и сейчас по запаху поняла, кто стоит за её дверью.

Мужчина.

Крепко зажмурилась, приказав себе упокоиться. Это же Егор! Всего лишь Егор…

– Милана? С тобой всё хорошо?

Дверь-предательница открылась бесшумно, а мужчина увидел её посреди комнаты со сжатыми кулаками и зажмуренными глазами. Неприятно полоснуло по сердцу. Совсем ещё девочка, стоит растерянная, непонимающая, храбрится, как подбитый птенчик.

В горле запершило, и Егору пришлось кашлянуть, чтобы прочистить его. Он помнил этого «птенчика» ещё малюткой. Двенадцать лет назад по приказу альфы приехал в горы с одной единственной задачей – оберегать маленькую девочку. Что он сделал впоследствии.

Его встретил одинокий замкнутый ребенок, больше походивший на побитого щенка: взгляд исподлобья, непричёсанные черные волосы, лицо чем-то перепачкано, не одежда – некое подобие с зияющими дырками. Позже наставницы сообщат Егору, тушуясь и опасаясь за свою шкуру, что девочку считают наказанной – сослали её подальше от отца неведомо куда, с неизвестной целью, подальше от благ цивилизации. Значит, девочка прокаженная, и обращаться с ней надо соответствующе. Молча накормили – и на том пусть скажет спасибо. Хорошо, что разговаривать обучили. Естественно, Егор быстро изменил порядки, прогнав наставниц. Нанял учителей, непременно женщин, и девочка перестала вести себя, как дикарка. Только вот как вышло, что нескладная пташка, расправив хрупкие крылышки, предстала перед ним в образе прекрасной гибкой птицы? Да, её крылышки ещё не окрепли, робко трепетали, но пройдет совсем немного времени, и узнает она цену себе и своим возможностям.

Если у неё будет это время.

– Да, – быстро ответила Мила и, неловко улыбнувшись, уже более решительно добавила: – Да, со мной всё хорошо.

– Вот и славно, – мужчина замялся в дверях.

С недавних пор он старался как можно реже заходить к ней, да и вообще, держался особняком.

Слишком притягательной казалась алебастровая кожа. Слишком высокой и полной была её манящая грудь. Про походку от бедра, с грацией настоящей хищницы, которую невозможно приобрести, она врожденная – или есть, или нет, лучше вообще не вспоминать. Захватывало дыхание, от недостатка кислорода то и дело перед глазами мелькали темные мушки, а по спине начинала струиться огненная лава – не очень хороший признак.

Егор чувствовал перемены в себе, и это пугало.

Клятва на крови нерушима. Сделает ошибку, роковую оплошность – погибнет.

У мужчины дернулся кадык. Надо сворачивать разговор. Тем паче – мысли.

– А ты… – Мила чувствовала себя глупо. Она тысячу раз разговаривала с Егором у себя в комнате ночью и никогда ранее не замечала за собой нервозности.

Он понял её без продолжения. Кивнул и буркнул:

– Мила, собирай вещи, мы уезжаем.

Бедное девичье сердце оборвалось, а хрупкий мир, словно хрустальный шарик, покатился куда-то в неизвестном направлении. Что-то сдвинулось в мироздании, покосилось. Потому что были произнесены слова, которые Милана отчаялась когда-либо услышать. Заветное предложение, бесчисленное количество раз, произнесенное мысленно.

Девушка резко выдохнула и схватила себя за горло. Эмоции шквальным ветром обрушились на неё, разом вытеснив недавние переживания и сомнения. Как же так… Откуда?.. Почему? К кому? Десятки вопросов закружились в голове. Лишь усилием воли преодолев первый шок, ей удалось спросить:

– Куда?

Ответ её не удивил, хотя мог бы.

– Звонил твой отец. Он ждет тебя к себе.

Так просто? Вот просто взял и позвонил? Соизволил вспомнить, что где-то, на периферии жизни, застряла его дочь? Плоть от его плоти? Живая душа? Да, ну! Не может быть!

Короткий смешок, предвестник зарождающейся истерики, вырвался из горла Миланы.

– Отец? – она не смогла сдержать сарказма. – Зачем я ему понадобилась?

У Егора были предположения, и от этих предположений сносило крышу. Помимо воли, все звериные инстинкты вырывались наружу, возникло яростное желание крикнуть: «Да ни хрена вы её не получите! Никуда не отпущу! Никуда! Оставлю здесь! Себе!» Его кости выворачивало от инстинктивных побуждений перекинуться и разом разрушить кошмар, накрывавший его последние несколько месяцев. Или годы? Когда началось его личное безумие? Когда у Миланы пришли первые месячные, и он учуял запах её крови? Или когда у девочки начала расти грудь, и она, думая, что за ней никто не наблюдает, пыталась её смять, размазать под платьями, потому что подростку не объяснили, физиология от него не зависит, а природа возьмет своё? Грудь обрисовалась красивой, шелк ничтожного халата ничего не скрывал. Напряженный сосок натянул ткань, маня, призывая, притягивая. Томно просил – дотронься до меня, втяни в рот, попробуй на вкус.

Рука, на которой покоился шрам от клятвы на крови, зажгло.

Плевать. К черту всё! Все клятвы! Все годы, прожитые тут. Есть только Мила. С её невероятной красотой. Безумной.

Егор, повинуясь зверю, сделал шаг вперед. Движение было продиктовано жадной потребностью, непреодолимым желанием, срывающим все барьеры и сносящим все преграды на своем пути. Да и о каких преградах шла речь? Ночь. Комната. Молодая женщина, мужчина, подыхающий от страсти, голодный, готовый пойти на крайние меры.

Мила, находясь на грани истерики, не веря своим ушам, не сразу заметила изменения, произошедшие с Егором. Её затрясло, мелкие мурашки побежали по коже.

Очнулась она от легкого наваждения, когда было уже поздно. Мужчина, ставший ей на долгие годы наставником, единственный, кому она безоговорочно доверяла, втайне считая своим отцом, стоял от неё в непозволительной близости, смотрел на неё горящими карими глазами, в недрах которых зарождалось нечто темное и безгранично опасное.

Мила вздрогнула и сильнее сжала полы халата на груди. Егора она привыкла видеть серьезным. По пальцам можно было пересчитать те случаи, когда он весело смеялся. Всегда сдержанный, суровый, лаконичный.

И тут…

Сердце глухо ударилось о грудь и замерло. Предчувствие надвигающейся беды в виде этого необъятного мужчины пронзило Милу насквозь, заставив сделать шаг назад и негромко выдохнуть:

– Егор, ты чего?..

Он бросил своё тело в направлении неё, быстро, стремительно. Так, как могут действовать опасные хищники. Мила от неожиданности вскрикнула и зажмурила глаза, даже не сумев сориентироваться. Слишком ошеломляющее действие на неё оказала новость о том, что её желает видеть отец. Привыкшая полностью безоговорочно доверять Егору, Мила не ожидала от него никакой подлости.

Мужские руки сомкнулись на женских плечах, ощутимо сдавив их.

– Мила! – это был хриплый стон, идущий из глубин человеческой сущности, поражающей своей затаенной тоской и проникающий в самую душу. Стон истосковавшегося возлюбленного, наконец-то, увидевшего ту, что столь долгое время отсутствовала или держала его на расстоянии.

Мила ахнула, не в силах справиться с изумлением. Минуту назад она разговаривала с наставником, пытаясь преодолеть внутреннее смущение от того, что стоит перед ним в одном халате, теперь всё резко поменялось. Горячее дыхание мужчины обожгло щеку, а мощная фигура нависла, словно темная снеговая туча, задавила своей мощью.

Испугавшись такой стремительной метаморфозы, Мила попыталась вырваться и сделать шаг назад, вернуть себе личностное пространство. Но что могла сделать хрупкая наивная девушка против матерого мужчины?

Он, словно обезумел. Его руки сильнее сжали мягкие плечи, лицо исказилось от нестерпимой внутренней боли и, издав утробный рык, Егор упал на колени, чем окончательно ввёл Милу в ступор.

Не зная, что делать, как реагировать, с округлившимися глазами, в которых застыло немое изумление и зарождающийся страх перед физическим насилием,

Мила замерла, чтобы услышать сдавленный шепот:

– Девочка… моя… моя девочка…

Жадные жесткие руки сжали талию Милы, в то время, как голова его находилась напротив лона девушки. Ситуация усложнялась, когда Егор притягивал девушку к себе, полы халата чуть распахивались, оголив округлые бедра.

Произошедшее далее навсегда останется кошмарным сном в памяти Милы. Одним из тех, что поражает своей реальностью. Когда ты, вроде бы, находишься на периферии сознания, знаешь, что спишь, и одновременно понимаешь – можешь не проснуться, потому что происходящее с тобой слишком реально, чувства истинные, и влекут они тебя не иначе, как во тьму, откуда выбраться невозможно.

Егор, приглушенно, надрывно зарычал, с некой долей отчаяния, пронзающей душу, уперся головой в обнажившееся лоно девушки и втянул его пряный аромат.

Этот рык послужил для Милы отправной точкой, катализатором, мобилизовавшим её внутренние силы. Могла ли она помыслить, что какой-то мужчина – любой! – может вот так пасть к её ногам и жадно вдыхать самый интимный запах! Стыд охватил Милу, побудив к решительным действиям.

Она не нашла ничего лучшего, как вцепиться руками в короткие темные волосы Егора и с силой дернуть их назад.

Интуитивно Мила чувствовала, он не причинит ей физического вреда. Только не он и только не ей. Его сегодняшнее поведение напрямую связано с надвигающимся полнолунием. Да, Мила в своем безумии была не одинока. С одной стороны, этот факт утешал её грешную душу, с другой – повергал в первобытный ужас. Если она не одна, если на земле ходят, живут, веселятся, спят существа, подобные ей, то непременно их пути рано или поздно пересекутся, и что-то случится. Она была уверена, заточение напрямую связано с возникновением в ней второй сущности.

И ещё… Её проклятье. Егор сорвался – это прямое доказательство тому, что ей необходимо держаться подальше от всех.

А как не хотелось! Хотелось жить полной жизнью, узнать, что там, за глухими стенами её тюрьмы.

Егор, словно не заметил порыва Милы. Только сильнее сжал бедра девушки и задышал тяжелее.

– Егор! – закричала она что есть силы и принялась вырываться.

Но разве в состоянии слабая девушка, не знающая своей истинной мощи, справиться с взрослым матерым самцом?

Силы были не равны. Глаза Егора почернели, а член налился кровью и запульсировал с такой сумасшедшей силой, что причинял боль. Лицо исказила глухая ярость. Исчезло всё – здравый смысл, доводы разума, клятва на крови, горящий огнем шрам грозился вовсе разойтись, усиливая боль с каждой прошедшей секундой? Но что такое боль по сравнению с возможным удовольствием от девичьей плоти, что находится от тебя в нескольких сантиметрах? При желании – лизни, и почувствуешь не только будоражащий, выворачивающий тебя наизнанку запах, но и ощутишь райский вкус.

Халат, завязанный кое-как, распахнулся, и теперь Мила предстала перед своим наставником обнаженной. Судорожными рваными движениями Егор отшвырнул подол халата и снова зарычал, когда его руки, горящие огнем, дотронулись до прохладных, ни чем не защищенных ягодиц Милы.

Паника накрыла девушку с головой. Поняла – если не прекратит это безумие сейчас, не оборвет его в самом зародыше, минутой позже случится непоправимое. Она видела, как забугрились мышцы мужчины под тонкой рубашкой, шея стала покрываться шерстью. Ещё немного, и Егор обернется. Что тогда? Она не сможет достучаться до него.

Облизнув враз пересохшие губы, Мила пошла на крайние меры. Чувствуя, как сердце яростно бьется в груди, со всей силы дернула Егора за волосы, желая оторвать его от себя.

На короткий миг что-то осмысленное промелькнуло в глазах Егора, когда он запрокинул голову и посмотрел на Милу. Воспользовавшись заминкой, не

обращая внимания на боль в ягодицах, где уже явственно ощущались вырвавшиеся наружу когти мужчины, Мила кое-как подняла ногу и ударила коленом в подбородок Егора.

Мужчина взвыл, не ожидая столь решительных действий, и разжал руки. Это и требовалось. Вскрикнув, она ринулась от него в сторону. Но не тут-то было. Егор с обезумевшими от похоти глазами, искаженным от внутренней нестерпимой боли лицом, схватил её за лодыжку и дернул на себя.

Мила упала, ощутимо ударившись локтем о пол.

Упала с раскинутыми в сторону ногами…

Это решило всё.

Увидев сладостную тайну с аккуратно выщипанными волосиками, Егор с помутневшими глазами, в которых сейчас напрочь отсутствовало что-либо человеческое, двинулся в её сторону.

Всхлипнув, Мила с нарастающей радостью почувствовала, как жидкий огонь заструился по её позвоночнику, меняя её тело. Не скрывая ликования, она ощерилась и сама уже рванула в сторону халат, освобождаясь от ненужной вещи.

Миг – и в комнате появилась черная волчица. Небольшая, практически щенок.

Ведомая желанием спастись, уберечься от врага, коим в одночасье стал Егор, волчица прыгнула в сторону окна, сиганув в темноту.

За спиной раздался разочарованный утробный вой смертельно раненого зверя.

3

Он её запер! Посадил под домашний арест! Приставил охрану!

Дина была в бешенстве. Она металась по спальне и из последних сил удерживалась от того, чтобы не начать крушить мебель. Ей отчаянно хотелось сбросить пар, выпустить на волю те черные удушающие эмоции, что терзали её изнутри.

Нельзя.

В очередной раз шумно выдохнув, молодая женщина прошла к трюмо и уперлась в него руками. Так, а ну, давай успокаивайся. Прикрыв глаза, она попыталась сосредоточиться на чем-то светлом и хорошем, заставила себя подумать о сыне, за которым поехал Димитриос, вспомнить, каково это – держать на руках родного малютку. Но единственное, что лживое воображение предоставляло ей – образ высокого обнаженного мужчины, от тела которого исходила невидимая, но от этого не менее ощутимая волна властности и жестокости. Егохолодный взгляд, его уверенные движения действовали гипнотизирующе. Бархатный голос сводил с ума, забирался под кожу, вспарывал её естество. Как он говорил… Что он говорил… Проклятая Луна! Это же невыносимо! Нестерпимо! Желанно…

Дина закусила губу до крови, не замечая, как выпустила когти и поцарапала мебель.

Проклятье… Как же ей хотелось вырваться из ненавистного особняка и уехать. К нему. Повиниться. Сказать, что это было ошибкой, недоразумением, помутнением разума. Он бы выслушал её и… И сломал шею. Вот в этом Дина не сомневалась.

Откинув голову назад, женщина истерически расхохоталась. Её смех, отразившись от стен, гулким эхом разнесся по дорого обставленной спальне. Её нынешняя тюрьма была шикарной – кровать с балдахином, трюмо с позолоченными ножками, пуфик, обитый заросским бархатом, большое зеркало, инкрустированное драгметаллами. Кожаный белый диван, стоящий в углу позолоченный кальян. Живи, наслаждайся жизнью. А она чувствовала, как в груди разрастается пламя, и готова была, ослушавшись запрета мужа и презрев опасность, нестись к нему, чтобы попытаться наладить отношения и снова почувствовать, как его крепкие руки впиваются в её бедра.

Ярослав Валгар, более известный, как Дикий. Живая легенда, приехавшая в их далекий край. Её личное проклятье.

Дина, горько просмеявшись, повесила голову на грудь. Что же делать? Как утолить огонь в груди? И ещё один вопрос – как она до такого докатилась?

Дина всегда была расчетливой и точно знала, чего хочет от жизни. Рожденная в семье обычных оборотней, она приложила огромные усилия, чтобы попасть в элиту. Никогда не совершала опрометчивых поступков, всегда всё взвешивала – что одеть, что сказать, где появиться и с кем. У неё была безупречная репутация. Дина в подростковом возрасте провела перед зеркалом бесчисленное количество времени, вырабатывая грустную улыбку и печальный взгляд. Такие, чтобы западали в мужские души и заставляли искать встречи с Диной. При такой ослепительной красоте оттенок печали на её лице – беспроигрышный вариант.

У неё всегда были поклонники. В шестнадцать лет последовало первое предложение руки и сердце. Но сын лекаря получил безжалостный отказ. Дина готовила себя для лучшей партии. Она даже умудрялась каждый месяц побеждать своего зверя, свою серую волчицу, что рвалась в полнолуние к самцам, жаждала чувственных удовольствий и приключений. О, нет, Дина не была настолько безрассудна, чтобы отдать девственность зарвавшемуся волку, догнавшему её где-то в лесу. Пусть подобным образом резвится челядь, она же – выше их.

Дина выходила на охоту аккуратно. Всматривалась в лица мужчин. Выбирала. Не тот… И снова не тот… Бывшая жена с тремя детьми всегда будет маячить на горизонте. А что у этого? Слишком часто играет за зеленым сукном. У этого, поговаривают, дела не так хороши, как он пытается выставить в свете. А это кто? Димитриос Лавинский. Хм… Надо присмотреться.

Дина присмотрелась и поняла – вот он, человек, за которого она выйдет замуж. Непременно. Богат, из знатного рода, главное – не был никогда женат и не имеет проблем ни в прошлом, ни в настоящем. А любовь и страсть… Да кому они нужны? Главное, что Лавинскому пришелся по душе образ печальной девы, и он, во что бы то ни стало, решил увидеть на её лице счастливую улыбку.

На том и порешили. С годами Дина искренне привязалась к Димитриосу, даже полюбила его за то, что он любил её. Ребенка родила. Мальчика. А потом…

Потом, как обухом по голове. Увидела ЕГО и всё. Пропала.

Дикий. Ему, как никому другому, идеально подходило это имя. Хотя, какое имя… За спиной так его называли. В глаза – не смели. Потому что его взгляд обжигал, проникал в душу, при желании – в голову. Его поступки вызывали осуждение и страх. Когда Дина первый раз услышала, что к ним приезжает Дикий, удивилась, почему его так называют? Димитриос терпеливо объяснил, что данный представитель их рода предпочитает вести замкнутый образ жизни, выбирает уединение, ни с кем не общается, не идет на сближение. Уже в тот день, когда Дина с мужем сидели на веранде, и она слушала про Дикого, для себя решила, что непременно с ним познакомиться. Так, ради удовлетворения женского любопытства. Как оказалось позже, удовлетворено было не только любопытство.

Дину, при воспоминании о первом прикосновении Ярослава, затрясло. По спине заструилась огненная лава, и молодая женщина была даже рада оказаться в образе волчицы. Притупится злость, и раздражение уйдет. Да, будет лучше сейчас перекинуться. По крайней мере, голова отключится.

Она бы непременно так и поступила, если бы её ноздрей не коснулся едва уловимый терпкий запах. Дина вздрогнула, до конца не веря своему обонянию. Не может быть… Ей кажется! Она принимает желаемое за действительность! Не может же Дикий приехать к ней сейчас. К ним. Или может….

Снова рассмеялась бы, не будь она тогда столь шокирована. Дикий как раз может и смеет всё.

Бедную женщину залихорадило. Она жадно втягивала в себя воздух, что стремительно пропитывался ЕГО запахом, и не верила… не верила… Тело пронзило сотнями иголок, душу окунули в прорубь, чтобы сразу же кинуть на раскаленный до красна металл. Это невероятно, нереально – ОН здесь. Едет к её дому! Чтобы увидеться с ней.

Стоп!

Дина сильно зажмурилась, отчего заболели глаза, и картинка на момент сделалась расплывчатой. Она совсем ума лишилась? Какое, к черту, увидеть её? О чем она думает? Если Валгар приближается к родовому поместью Лавинского, чего он не делал никогда ранее, ничего хорошего ждать не стоит. Особенно ей. Неужели она на самом деле решила, что история с мальчишкой Дикого сойдет ей с рук? Луна, какая же она дура! Дура! Дура! Зачем выплеснула животную злость на сына Ярослава? Теперь он её уничтожит. И Димитриоса нет дома! Она одна. Беззащитная и растерянная.

А журчащий звук мотора автомобиля приближался. С ним и запах Дикого, что лишал Дину воли и разума.

Открыв глаза и очнувшись, женщина побежала к балкону. С трудом дрожащими руками распахнула ставни и вышла. Встала, с силой вцепившись руками в перила.

Где он!?

Вон.

За высокими коваными воротами остановился шикарный черный автомобиль. Темнело, его фары безжалостно разрезали спускающуюся мглу. На улице не было ни души. Охраняемое поместье стояло вдали от суетливых улочек с праздно прогуливающимися прохожими. Никто посторонний без приглашения не имел возможности проникнуть на территорию дома Лавинского.

Дина перестала дышать. Казалось, её внутреннее напряжение достигло апогея. Глаза лихорадочно блестели, тонкие пальцы с такой силой вцепились с перила, что побелели костяшки. Ноги дрожали. В голове билась лишь одна мысль: «Он здесь… рядом…»

Когда водительская дверца открылась и показалась высокая крепкая фигура в строгом костюме, Дине едва удалось сдержать крик. Не то радости, не то страха. Она не понимала. В те мгновения у неё всё смешалось, все чувства, все оттенки красок, восприятие мира исказилось, сузилось и сосредоточилось лишь на одном человеку. На нем.

И вот фигура в черном костюме медленно поворачивается лицом к кованым воротам с вензелем у дома Лавинского. Смотрит на огромный дом, стоящий на приличном расстояние от него, и практически не освещенный. Видит застывшую на балконе одинокую женскую фигурку. Ухмыляется.

Дина, несмотря на своё сверхзрение, была не в состоянии рассмотреть лицо Ярослава. Да, Дикий обладал способностью не только скрывать свой запах – иначе она бы давно была разоблачена Димитриосом, – но и возводить вокруг себя туман. При желании, он мог казаться почти невидимым. Такие мелочи. Такие возможности. А молодая женщина жаждала увидеть его лицо. Вот сейчас, в эту секунду.

Мужская улыбка медленно переходит в оскал, и в это мгновение в голове женщины что-то взрывается. Она не понимает что, она не знает, как… Только что-то толкает её вперед, во мглу. И вот она наклоняется вперед, ещё и ещё… И падает, перевесившись через перила.

А тот, кого называют Дикий, довольно кивнув, возвращается в машину, после чего с юзом срывается в ночь.

4

Милана не помнила, как вернулась в то место, что привыкла называть домом. Когда она поняла, что Егор не последовал за ней, облегчение не пришло. Напротив, на девушку накатило непередаваемое отчаяние. Вот, казалось бы, то, о чем она мечтала бесконечно долгими одинокими ночами, о чем тосковала короткими днями, сбылось. Отец готов забрать её. И что? Где радость? Нет её. Лишь глухая печаль и мысли, стайкой кружащие вокруг Егора. Что нашло на него? Откуда взялся дикий огонь в глазах? Что он с ней собирался сделать?

Девушка обернулась в редком лесу, который и лесом-то назвать было нельзя. Так, редкие деревья. Сжала с силой ноги, унимая непонятное томление внизу живота. Да, что с ней происходит… Что? И Егор, почему он повел себя, словно обезумел? Она никогда не видела его таким. Тут горькая усмешка искривила губы Миланы. А что, собственно, она вообще видела и знала?

Ничего.

Умирать не хотелось. Возвращаться не хотелось. Уйти в никуда она не могла. Уже через пару дней она сгинет. Какой бы беспросветной не была жизнь Миланы, это была всё же жизнь. И девушка, шатаясь, вошла в дом, встретивший её тишиной. Не надеясь ни на что хорошее, Милана прошла к себе в комнату. Егора в ней уже не было. Зато его зверь оставил свой след – глубокие следы от когтей на стене. Покачав головой, и чувствуя бесконечную усталость, Милана подобрала лежащий на полу халат, закуталась в него, прошла к кровати и легла. Пусть будет, что будет.

Утро началось с извинений Егора. На этот раз он вошёл без стука.

– Извини. Подобного более не повторится.

Мила не поверила ему, но кивнула. Выбора у неё всё равно не было.

– Я готова.

Она не спала, и поэтому встала, как только рассвет задребезжал за окном. Собрала в дорожную коричневую сумку все, которую подарил Егор ей на прошлый день рождения, скромные пожитки и села на кровати, положив ладони на колени. Она знала, Егор в доме, он не мог не учуять её возвращение. И если бы ночью он снова поднялся к ней в комнату… Что было – непонятно. Но на этот раз убегать Мила не стала бы. Можно скрыться от мужчины, от врага, от Судьбы. Но не от безумия, что терзало тело и разум нестерпимым томлением.

Егор не смотрел девушке в глаза. Посмотрит – не выдержит, рухнет на колени и будет вымаливать прощение за своё вчерашнее бесстыдное поведение. Он-то, в отличие от неё, прекрасно понимал, что с ним происходит, и, скрепя сердцем, заставил себя поверить, что решение вожака вернуть Милану в светский мир – правильное. Разрушится иллюзия, что Мила – его семья, и между ними возможно что-то более интимное, чем просто отношения наставника и ученицы.

Мила медленно, точно движения давались ей с трудом, поднялась.

Егор, подхватив сумку и более ничего не говоря, вышел. Мила последовала за ним. Прощание с теми, кому надлежало присматривать за ней, вышло скупым. Женщины, в большинстве своем, старые девы, кривили губы и прятали глаза, в которых нет-нет да мелькал страх и недоумение за дальнейшие свои судьбы. Как же так… Они столько лет проработали в этом глухом месте, вдали от цивилизации, присматривали за «вон той», а теперь она уезжала, и они оставались не у места. Егор сообщил, что дом следует освободить, рассчитал женщин, добавив к окладу ещё несколько зарплат, так сказать, выходное пособие. Но наставницы всё равно чувствовали себя оскорбленными и недовольными. Снова придется искать хлебные места, подстраиваться под работодателей, заставлять себя учиться чему-то новому. Как хорошо было здесь, в глуши! Работай, да присматривай за непутевой.

Мила тоже не испытывала сожаления при расставании с наставницами. Сухо попрощалась и вышла, ощущая на своей спине злые взгляды. Ни одного доброго слова не прозвучало вслед. Что вполне ожидаемо.

К чему Мила была совершенно не готова, так это к автомобилю. Когда Егор вывел автомобиль из гаража, Милана удивленно охнула.

– Откуда?.. – вопрос невольно слетел с губ.

– Так получилось.

Егор знал, что следовало объяснить, как и когда он пригнал автомобиль, но говорить с Миланой сейчас было выше его сил. Руку снова зажгло. Проклятая метка! Если бы не она…

А впереди ещё много часов дороги, где они будут вдвоем.

Добро пожаловать в персональный ад.

Мила восхищалась машинами. Железными зверями, что силой и мощью превосходили любого четырехногого. А как они блестели? А с какой сумасшедшей скоростью передвигались?

Автомобиль Мила видела два раза в жизни. Оба – когда приезжал Димитриос Лавинский.

Теперь она едет к нему.

Мила подошла к черному «зверю» и дотронулась до холодного капота. И тотчас отдернула руку, столкнувшись с непривычными ощущениями.

Рассмеялась.

– Интересно как, – сказала для себя, и лишь потом посмотрела на наставника.

Осеклась.

У Егора снова появился дикий взгляд, в котором полыхал неконтролируемый огонь. И этот огонь обжигал даже на расстоянии. Помимо воли Мила почувствовала, как её обдало жаром, стало трудно дышать, внизу живота появилась знакомая, но пока непонятная тяжесть.

Н-да, веселое им предстоит путешествие, ничего не скажешь.

Но Мила была готова. Ко всему.

Взгляд янтарных глаз она не отвела. Выдержала огонь, что проникал под кожу.

Даже не без стыда внезапно осознала, что ей нравится новый Егор. Да, проклятая Луна, ей нравится…

– Егор, поехали? – с легкой хрипотцой спросила она, заметив, как мужчина вздрогнул и поспешно отвел взгляд.

– Да. Давай сумку.

Закинув нехитрую поклажу в багажник, Егор подошёл к пассажирской двери, открыл её и глухо обронил:

– Не хочу, чтобы ты меня боялась, Милана.

Девушка грустно улыбнулась.

– Я и не боюсь.

Она не соврала.

Она смирилась. Приготовилась.

Выжидала.

Егор кивнул, пряча глаза, в которых снова всполохнулось недоброе пламя. Черный жар продолжал выедать его нутро, грозясь уничтожить полностью. Но мужчина крепился. У него клятва на крови. У него – альфа, которой он присягал.

А девочка…

Егор обошёл машину с капота и рухнул на водительское сиденье.

Девочка не его.

И никогда не будет его.

Про вчерашнее помешательство лучше забыть и никогда не вспоминать.

Но её запах… Что делать с её запахом, наполнившим салон автомобиля? Куда от него деться? Спрятаться? И как долго Егор сможет вдыхать его, не срываясь?

У него есть день. До наступления темноты. Пока на небе не взошла Луна, у них у обоих есть шанс.

Что будет ночью – он не мог поручиться.

Мила с осторожностью опустилась на кожаное сиденье. Кому скажешь – не поверят. Девятнадцать лет, а в автомобиле поедет впервые. Хотя про то, как

управлять этим транспортным средством Мила знала в совершенстве. И была уверена – при необходимости, сев за руль, она сможет поехать.

Оборачиваться на двухэтажный коттедж, возведенный по приказу Димитриоса Лавинского много лет назад и ставший её персональной тюрьмой, она не стала. Ни к чему. Ни любви, ни трепета в отношении каменного дома в душе не было.

Лишь облегчение, что покидает его.

Егор тронулся.

Мила сдержала осторожный вскрик. Всё-таки непривычные ощущения.

Прощай, проклятая… Стонали скалы.

Прощай, проклятая… Шептали деревья.

Мила заморгала, сдерживая слезы всё-таки выступившие на глаза.

Она не сомневалась – настал её час икс.

Она для чего-то понадобилась человеку, что по рождению числился её отцом, отцовских чувств при этом не испытывая. Мила хорошо помнила, как холодно, оценивающе он на неё смотрел. Как на товар, что приобретает высокую цену со временем.

Её время подошло.

Её везли к нему. Чтобы использовать.

Естественно, Мила не могла не задаваться вопросом – что им всем от неё понадобилось? От той, которую посадили под замок, лишили полноценного детства, от той, что никогда не знала родительской заботы и любви.

«Добрые» наставницы сразу, как только маленькая девочка начала более-менее правильно воспринимать мир, сообщили, что её мать умерла при родах.

Принесла себя в жертву, производя на свет убогое создание. Следовали и более жесткие эпитеты. Девочка слушала молча. Даже малюткой успела уяснить – от «ворон», облаченных в серые и черные платья сочувствия ждать не приходилось. Палкой огреть – запросто. Оплеуху отвесить – легко. Приголубить, пожалеть – нереально.

Поэтому на радушную встречу с родными Мила не рассчитывала. Четко понимала – от неё будут требовать «нечто». Только что?

Серпантинная дорога уносила девушку в неизвестное будущее, что не сулило ничего хорошего.

Но Мила была готова.

Да, она была готова.

* * *

– Где Дина?!

Ему уже сообщили, что к особняку подъезжал автомобиль с небезызвестными номерами.

Димитриос дал четкие указания – когда Дикий появится на его территории незамедлительно ему сообщить.

Ему сообщили.

И он мчался из города в поместье на предельной скорости.

И всё же опоздал.

По-другому и быть не могло.

Испытывая эмоции, фабула которых резко менялась ежесекундно, Димитриос, продолжая выказывать видимое спокойствие, ждал ответа от горничной.

– Госпожа наверху. Она…

Дослушивать он не стал. И без лишних слов всё понятно.

Дина… Что же ты натворила, маленькая ты дрянь?

Но она его дрянь! Его! И никто, ни одна живущая в этом бренном мире душа не имеет права трогать её! Не имеет право косо смотреть на неё!

Порвет… Любого. Собственноручно.

Вырвет глотку. Самолично.

Так думал глава дома Скалистых Волков, поднимаясь к жене в её личные покои.

Дина предпочитала темные тона. Нестандартный выбор для молодой женщины, матери. Темно-красный, терракотовый, фиолетовый. И черный. Даже Димитриос подобный выбор считал перебором. Но с женой спорить не стал. Её будуар – её вотчина.

Сейчас же бледное лицо любимой женщины на шелковых бордовых подушках казалось особо ранимым и болезненным.

Она лежала на огромной овальной кровати с закрытыми глазами и хрипло дышала. Рвано.

Глаза Димитриоса гневно прищурились. Он всматривался в лицо Дины, и неконтролируемая ярость захлестывала его. Синяки на скулах, запекшаяся кровь на висках, разбитые губы. Регенерация шла плохо. То есть Дина до сих пор находилась под ментальным воздействием. Если бы она случайно – ну, мало ли! – выпала из окна, то и минуты не провела бы в кровати. Встречала бы его, сидя в своем любом кресле и лениво просматривала модный журнал, отмечая для себя последние тенденции моды.

Сейчас же на неё больно было смотреть. Пальцы Лавинского деформировались, превращаясь в когти, спину обожгло. Верхняя губа дернулась, обнажая

удлинившиеся клыки.

Убьет!!

Он убьет того, кто это с ней сделал…

Покалечил изумительное, совершенное тело, красотой которого он не переставал восхищаться. К которому любил прикасаться. Нет, не любил. Он дышать не мог без её тела. Без её сладостного лона и порочного рта.

Димитриос, находясь на грани превращения, шагнул в сторону кровати и тут его глаза увидели, как губы жены зашевелились, а слух уловил едва различимую речь.

Его жена шептала имя.

Мужское.

Не его имя.

5

Егор выдержал. Долгих тринадцать часов.

Когда вырулил на проселочную дорогу, где, как он узнавал заранее, находится сомнительной репутации трактир, выдохнул с облегчением. Сейчас разместит Милану и будет свободен.

На ночь.

Лишь бы убежать от неё подальше. Скрыться. Не видеть. Не чувствовать. Забыться.

Скинуть с себя образ добропорядочного мужчины, превратиться в зверя. Пусть тот и руководит им. С зверя и спрос другой.

Остановив машину у покосившегося крыльца с нечитаемой вывеской, Егор бросил задремавшей Миле:

– Я скоро. Побудь здесь.

Девушка, сонно моргнув, кивнула.

Сказал здесь – значит, здесь. Лишних телодвижений она делать не намеревалась.

Потом… Всё потом.

Выйдя из машины, Егор предусмотрительно поставил её на сигнализацию, заблокировав двери. Мало ли что. По его данным тут не обитали перевертыши, но подстраховаться никогда не помешает. К тому же, у него в машине столь ценный груз. И скоро полнолуние – об этом тоже не стоило забывать.

Егор сильнее сжал барсетку, отчего костяшки пальцев побледнели. Внутри неё находилось лекарство, о котором были получены конкретные указания. Действовать лишь в крайних случаях. Интересно, его одержимость Милой попадала под сие определение?

Трактир пустовал. Хозяева – седобородый мужчина лет пятидесяти и добродушная женщина того же возраста – встретили его радушно.

Услышав, что ему требуются две лучших комнаты с питанием и горячей ванной, расплылись в довольных улыбках. Не часто к ним в последнее время заглядывали гости. Как только проложили тракт через соседнее село, всё – поток посетителей иссяк.

Рассчитавшись и оставив хорошие чаевые, Егор тяжелой поступью вернулся к машине. Она сидела, смотря на редкие кустарники, посаженные вдоль дороги.

Открыв дверь, Егор негромко произнес:

– Пошли.

У Милы ёкнуло сердце.

Да сколько же можно?..

Повернулась и пристально посмотрела на наставника.

– Егор, что происходит? – от её бархатистого голоса, наполненного легкой хрипотцой, по спине мужчины заструилась огненная лава.

Начинается.

Проклятье!

Время не на его стороне.

– Мила, я не уполномочен рассказывать тебе, для чего тебя везу в город. Я…

Девушка качнула головой, отчего одна темная прядь выбилась из строгой прически.

– Нет, Егор. Я не про мою доставку в отчий дом. Я про тебя. И меня. Что происходит между нами?

Лучше бы она молчала. Вот право же… Ничего не задавала. Ничего не спрашивала.

Потому что есть вопросы, на которые никто не в силах ответить.

– Милана, не время для разговора, – грубовато ответил мужчина, с нарастающим отчаянием ощущая, как зажгло метку.

Слишком близко была девушка…

Слишком маняще…

Мила едва заметно улыбнулась.

– Ну, да.

Больше она ничего не сказала. А зачем? И так понятно. Никто ничего ей не собирается объяснять. А Егор… Он выполнил свою миссию. Присмотрел за ней. Был добр. Что ещё требовать от взрослого мужчины? Он сделал достаточно.

Продолжая улыбаться одними губами, Мила вышла из машины, не заметив, как темно-янтарные глаза наполнились темным огнем, стоило увидеть её ногу, затянутую в черный чулок. Разрез юбки позволил обозреть достаточно, чтобы желание с новой силой вспыхнуло в мужчине.

Сжав зубы с такой силой, что послышался скрежет, Егор кинул Миле ключи.

– Тебя проводят.

На этих словах резко развернулся и скрылся сначала за кустарниками, а потом и в лесу, прямо за оврагом.

Мила даже не посмотрела ему в лес.

С лицом, на которой не отразилось ни одной эмоции, проследовала к входу в трактир.

С осторожностью поглядывая на супружескую чету, она, стараясь, чтобы не заметили её излишнего любопытства, наблюдала за ними. Как те общаются. Как улыбаются. С какой теплотой общаются.

И в груди у неё раскрывался цветок зависти и непонятного чувства отчаяния, что чернотой наполнял душу.

Мила поспешила подняться в номер. Кровать средних размеров с кожаным изголовьем, красивое трюмо с узким зеркалом, пара кресел. Мило. Имелась отдельная ванная комната, что так же добавляла плюсов хозяевам трактира,

казавшегося на первый взгляд захудалым.

Но ничто не радовало Милу. Она прошла в ванную, где наскоро сполоснулась, вернулась в основную комнату, и, как была, в одежде, рухнула на кровать.

Некоторое время бездумно смотрела в потолок.

Как уснула – не помнила.

Лишь наутро остался неприятный осадок от последней мысли – скоро взойдет полная Луна. Что тогда станет с ней, с Миланой?

Наступило хмурое утро. Серым и угрюмым показался Егор. И девушка уже не задавала вопросов. Придет время, она всё узнает.

Завтракали они хрустящими круассанами с вишневой начинкой, домашним сыром и сытной кашей. Хозяева сердечно с ними попрощались, пригласив ещё раз наведаться к ним в трактир.

Улыбаясь добродушной хозяйке, Мила была уверена на сто процентов, что она никогда больше не окажется в этих краях даже проездом.

Оставалось ещё около полутора суток пути.

Ехали снова молча.

Мила давила обиду, убеждая себя, что так и должно быть. Ей никто ничего не должен, ничем не обязан. Скорее всего, для Егора она – часть некой работы. И его срок службы подошёл к окончанию.

Чем дальше они продвигались на запад, тем мрачнее становился Егор. Не улыбался, на дорогу смотрел зло. Вел автомобиль агрессивно.

И избегал людных мест.

Это Мила заметила не сразу. Лишь когда от скуки взяла в руки атлас дороги и принялась забавы ради отмечать проезжающие километры, поняла, что Егор для прокладывания маршрута выбирает проселочные дороги, заброшенные фермы и леса, где обычный водитель не то что не проедет, даже не сунется. Он вел машину уверенно. Знал, что делает.

Всё это, по меньшей мере, выглядело странно.

К вечеру Мила задремала.

Никто с ней не разговаривал, что ещё оставалось делать?

Проснулась она от четкого осознания, что на неё кто-то смотрит. Пристально и зло.

Мила, не открывая глаз, попыталась понять, что происходит. Они больше не ехали, остановились. Запах свежей хвои и лесных трав подсказал, что они движутся намеченным путем. И ничьего запаха, кроме Егора, Мила не чувствовала.

Открыла глаза.

Так и есть. Это Егор смотрит на неё едва ли не с ненавистью.

Черт возьми, что она ему сделала?

Мила чуть заметно выгнула брови. Говорить не могла – душила обида.

И лишь, когда в её руки лег увесистый кошель, обратила внимание, что Егор выглядит нездорово – под глазами темные круги, капилляры на белках глаз полопались, губы сжаты, на висках вздулись вены. Цвет лица – серый.

– Иди прямо по тропе. Она выведет тебя к гостевому дому «Оберег». Переночуешь. Утром заберу.

Всё это Егор проговорил сквозь стиснутые зубы. И, не дожидаясь ответа, рванул водительскую дверь, исчезая в сумерках.

Мила осталась одна.

Первые минуты она сидела, не двигаясь, сама себе напоминая застывшую статую. Веселая ситуация нарисовалась, ничего не скажешь. Её бросили посредине леса. И это учитывая то, что она всю свою сознательную жизнь провела вдали от цивилизации. Да она с людьми даже общаться толком не умеет.

«Иди прямо по тропе».

Замечательно.

Она-то пойдет, только, что дальше?

У неё даже документов нет! Как она будет оформляться в гостевом доме?

Миле не хотелось думать, что Егор её бросил в лесу намеренно. У него должны быть веские причины, чтобы так с ней поступить. Да, его в последнее время тревожит какая-то напасть, нечто, что не позволяет ему нормально с ней общаться. Парадокс заключался в том, что Милана готова была пойти на что угодно, лишь бы обрести старого доброго Егора.

Даже на ТО…

Мила вспомнила вечер перед отъездом. Глаза Егора, наполненные страстью. Его жаркое дыхание напротив её лона. Его жаждущие руки на девичьих бедрах.

Брошенная всеми. Всегда одна.

Отчаяние снова выпустило ядовитые когти. На что ты рассчитывала, девочка? Что покинув ненавистный дом в скалах что-то кардинально измениться в твоей жизни? Что ты обретешь душевное тепло?

Наивная.

Делать было нечего. Не стоять же у машины вечность.

Возникла шальная мысль обернуться. Перекинуться в волчицу и унестись вглубь леса. Наплевать на указание Егора и на то, что где-то ждет её человек, называющий себя её отцом.

Быть волчицей это же не так плохо. Свобода. Скорость. Движение. Минимум мыслей. Ничего, что может ранить и без того постоянно кровоточащее сердце. Волчица быстро забудет, что когда-то была полубезумной девушкой.

Горькая улыбка тронула полные губы Миланы.

Нет.

Слишком просто.

Прежде всего для господина Лавинского.

Она всё же желает с ним встретиться и узнать, почему он обрек собственное дитя на жизнь, полную одиночества.

И для чего она ему сейчас понадобилась.

Мила поправила жакет, разгладила несуществующие складки на коричневой строгой юбки, идеально сидящей на её полных бедрах. Гардеробом Мила была не богата. Что привозил Егор, то и носила.

Кстати, Егор ещё ни разу не ошибся с размером. Включая и белье.

Тут в янтарных глазах зажегся довольный огонёк. Интересно, что говорил продавщицам Егор, покупая ей очередные трусики? Кем он её представлял? Дочерью? Или…

Жаркая волна прокатилась по телу Милы. Ох уж эти шальные мысли. До добра они её не доведут.

Благо туфли были удобными – из мягкой серой кожи на невысоком толстом каблуке они если и не идеально подходили для прогулки по ночному лесу, то

ощутимого дискомфорта не доставляли точно. Захватив небольшую сумку, куда кинула кошель, Мила двинулась в указанном направлении.

Шла она не спеша. Торопиться ей было не к кому. Леса и его обитателей Милана не боялась. При необходимости она сможет себя защитить. Если не клыками, то холодной сталью.

В сумке лежал небольшой дамский револьвер.

За что Егору отдельное спасибо, так это за обучение стрельбе.

Наставницы, старые клуши, едва в обмороки не попадали, когда Егор вывел нескладного двенадцатилетнего подростка и всучил ему в дрожащие пальцы пистолет.

– Будешь стрелять, – почти с ленцой произнёс мужчина.

Холодное оружие идеально легло в ещё детские руки. Мила хорошо помнила тот осенний день. Неделю шли дожди, размывая серую грязь. Тяжелые свинцовые тучи низко нависали над домиком в горах. Казалось, чуть ниже и раздавят. И тут – солнце. Яркое, ослепительное. И настроение устремилось вверх вместе с жаждой новых познаний.

Хорошо Мила помнила и свои ощущения. Оружие не испугало её, хотя и должно было. Она расценила его, как дополнительный шанс на свободу.

Мало ли…

Её руки дрожали, когда она выстрелила в первый раз. И отдача была приличной. Но девочка, закусывая обветренные губы до крови, негромко сказала:

– Буду учиться.

На том и порешили.

Сейчас, спустя девять лет, Милана стреляла если не совершенно, то определенно хорошо.

Ночной лес встретил девушку поздней трелью птиц, шепотом листвы и чарующим ароматом трав.

Как ни странно, ни одно зверье не попалось ей на пути к гостевому домику, стоящему неподалеку от леса. А хотелось. Миле даже была интересна собственная реакция. Что она почувствует? Предпримет?

На сей раз её встречали не хозяева гостиного двора, а заспанный администратор – очень худой мужчина лет тридцати. При виде Миланы, в одиночестве входящей в вестибюль, его серые глаза-пуговки предвкушающе заблестели. Девушка… одна… среди леса… Ей, наверняка, понадобится мужская помощь. И неважно, что она молода и чертовски соблазнительна. А походка! Грация пантеры, иначе не скажешь. Администратор едва не облизнулся, заглядываясь на крутые бедра и на приличного размера холмики, скрывающиеся за хлопковым жакетом.

– Мне номер, – девушка подошла к стойке и сухо улыбнулась.

Ничего, милая, несколько капель волшебного эликсира, припасенного специально им вот для таких надменных сучек, как ты, и скоро ты запоешь иначе.

– Документы, пожалуйста.

Сердце Милы пропустило удар. Она ни разу в жизни не видела свои документы. Продолжая улыбаться, девушка открыла сумку и принялась в ней искать несуществующий паспорт. Придется каким-то образом извернуться.

Внезапно у Милы возникло чувство, что на неё обрушилась несокрушимая штормовая волна. Ударила в спину, заставив девушку покачнуться и даже ухватиться за край стойки. Одновременно тело подверглось атаке невидимого воздействия – сначала в него вонзилось несметное количество тонких острых льдинок, и сразу же, без шанса на малейшую передышку, тело окунули в огненную лаву, неторопливо прокладывающую себе дорогу и одновременно всё сметающую на своем пути.

У девушки распахнулись глаза, горло сжали невидимые тиски, кровь прильнула к вискам.

– Девушка со мной.

Холодный голос, полный надменных властных нот, раздался от двери.

Мила, едва ли не насилуя своё тело, враз отказавшееся её слушаться, заставила себя обернуться.

6

Удар. Поворот. Ещё один удар. Взмах палки.

– Плохо, Зет. Плохо.

– Яр, какого черта…

Ещё один удар, за которым последовал короткий крик боли.

– Не выражаться!

– Я…

Говоривший парень лет восемнадцати сцепил зубы, чтобы с губ не сорвалось ещё чего лишнего. И снова ринулся вперед, размахивая боевой палкой с острыми концами – одно неосторожное движение, один промах и всё может быть кончено. Для него.

Дикий не терпел слабости.

С него требовал, как с себя. Жестко и беспрекословно.

– Ты хочешь быть моим преемником? Двадцать-тридцать лет пройдут быстро. Поэтому учись. Потом тебе никто ничего не подскажет. Оступишься – сожрут. В прямом смысле.

Зет, не чувствуя от усталости рук и ног, встал в боевую стойку.

Ярослав Валгар удовлетворенно кивнул. На его красивом строгом лице не дрогнул ни один мускул. Ни жалости, ни раскаяния.

Так же когда-то обучали и его.

Они тренировались ещё не менее часа. Парень держался. Из последних сил, но держался. И когда Ярослав коротко бросил: «На сегодня хватит», не стесняясь, рухнул на землю, раскинув руки и улыбаясь небу.

– У тебя есть ещё силы улыбаться? – хмыкнул Валгар, проходя мимо.

– Яр, это мышцы. Живут сами по себе.

Мальчишка сразу ему понравился. Двенадцать лет назад, правда, выглядел он куда как хуже – оборванный, голодный. И главное – злой. Готовый отстаивать своё право на свободу и на временное жилище, что облюбовал в полуподвальном помещении.

Ярослав гулял по городу – делать было нечего. Только что распрощавшись с очередной ночной фиалкой, чьего лица уже не помнил, он лениво шел по мостовой, выложенной крупной брусчаткой. Трость цокала по камням, ленивым эхом раздаваясь по еще спящим улочкам.

Мальчишку он приметил, как только тот отделился от стены и будто нехотя, с понурой головой, двинулся в его сторону, не глядя по сторонам. Знакомая картина. Яр знал, что будет дальше. Сейчас мальчишка точно случайно на него натолкнется и в конечном итоге Яр не обнаружит у себя или часов или бумажника.

Яр ошибся.

Когда парнишка поравнялся с ним, Яр увидел, что тот сильно избит. И его шатает не от наигранности, а от бессилия.

Но продолжал упрямо уйти.

Ноги парня подкосились, заплелись и он едва не упал.

– Помощь нужна?

Ярослав остановился в ожидании ответа.

Избитый мальчик даже на него не посмотрел. Мотнул головой и пошёл дальше своей дорогой. Чуть позже Яр узнает, что в ту злополучную для Зета ночь он дрался на «ринге» – один из местных оборванцев пожелал получить его «палати». Шестилетний мальчишка против двенадцатилетнего ублюдка.

Первый победил.

Яру хватило одного взгляда, что понять – мелкий – оборотень. Волчонок, лишенный стаи.

Своих Валгар бросать не привык.

Он не пошёл за ним в то утро.

Явился на третьи сутки, когда паренек отлежался.

– Пошли – покормлю.

Тот что-то промямлил в ответ, сплевывая кровью. Смысл сказанного сводился к указанию известного пути.

Правда, потом Зет всё равно пошёл. Есть-то хочется.

Валгар некоторое время делал вид, что не замечает, как тот распихивает еду по карманам. Делает запас. Потом Яру это надоело.

– Пойдешь ко мне работать.

И это не было вопросом.

Истинную причину озвучивать он не стал. К чему пугать мальца?

Малец оказался с характером и очень быстро сообразил, что хорошо, и что плохо.

Хорошо – учиться у Дикого, кем бы он не был.

Плохо – возвращаться на улицу.

И лишь потом, после того, как Валгар привел его в стаю Шершавых, что выкинули слабого волчонка на улицу, Зет начал задавать правильные вопросы.

Кто такой Дикий? Раз.

Откуда в нем сила, неподдающаяся логическому объяснению? Два.

И почему пред ним склоняются другие перевертыши? Три.

Ответы придут чуть позже, заставив юного Зета кардинально изменить планы на будущее.

Ярослав не без гордости следил за достижениями найденыша. Из него может выйти хороший преемник?

Сильный. Ловкий. Главное – умеет выживать. А ментальные способности, необходимые, чтобы держать свору в узде, со временем передаст.

Чем не выход?

Дикий смирился с тем, что у него никогда не будет детей – нет больше Меняющих Облик, нет больше сладких омежек. Поэтому Первородным

приходилось последние века изворачиваться – подбирать, находить, выкупать мальчиков, способных занять их место в общине перевертышей. Нечто подобное случилось несколько столетий назад и с Валгаром. Выросший в лесу, он не умел разговаривать, не умел правильно ходить, не умел общаться. Чуть позже Ярослав прочтет книгу про мальчика, выросшего среди волков, и улыбнется. Чем не начало его истории? Его подберет Бархат – перевертыш с Севера, угрюмый муж. И скажет, что Первородными не становятся. Берсерки всегда появляются из ниоткуда, без роду, без племени.

Каждый – сирота.

Потому что канули в Лету те времена, когда у каждого Первородного была своя Меняющая Облик.

Как же это было давно.

И рассказ Бархата, и его жизнь в лесу.

Вот пришло и его время готовить смену.

Нет, Валгар не собирался уступать своё место Зету в ближайшие полвека.

А там – посмотрим.

Ярослав покинул сад, в котором они с Зетом тренировались с обеда. Вечер обещал быть томным.

– Вам письмо, господин.

Лакей появился из-за колонны бесшумно.

Валгар чуть заметно повел бровью. С какого времени лакеи вручают ему письма лично?

Лакей, заметив жест хозяина, заметно побледнел. Не хватало ещё нарваться на его гнев.

– Просили передать… И тут печать крови, господин, – залепетал несчастный, если не прощаясь с жизнью, то с работой – точно.

Ярослав отмахнулся – мол, ступай. Не до разборок со слугами. К тому же, он планировал покинуть город на следующей неделе. Стальград начал его утомлять.

Женщины Стальграда – особенно.

Заметив печать дома Скалистых Волков, Валгар усмехнулся. Ну, надо же. Не успел нанести визит неверной женушке, как оскорбленный муж накатал петицию.

Что ж… Посмотрим, что ему написал Лавинский.

Как оказалось – ничего интересного. Нёс какой-то бред. Валгар, испытывая легкое раздражение, что Лавинский использовал для подобных пустяков печать крови, разорвал письмо и разжал пальцы. Листки, лениво кружа, упали на черный ковер.

Димитриоса он понял. Тот дал понять, что знает о его связи с Диной. Только ему, Ярославу, от этого что? Ни жарко, ни холодно. Лавинский слишком слаб, чтобы открыто пойти против него. Сам же Валгар с холодным безразличием отнёсся к жалким потугам главы рода что-то там ему сказать.

Ещё с большим презрением он относился к женщинам, запрыгивающим в его постель, при первом же удобном случае задирающим юбку и демонстрирующим упругую попку. Да, Ярослав трахал Дину Лавинскую, как трахал любую трактирную шлюху. Разницы между ними не видел.

Возможно, она и была. Лишь в том, что ни одна трактирная шлюха, получив от него расчет, ни на что более претендовать бы даже и не смела. Дина же, напридумав себе неизвестно что – как банально для женщины! – решила, что имеет право на него. Получив отказ, отважилась на месть. Подкараулила Зета и сбила его на машине. Ошибись Валгар и не окажись в нем крови берсерков, парня уже не было бы в живых. Эта тварь сбила его, потом вернулась и ещё раз бортанула машиной.

Смерть она заслужила.

Но чуть позже… Сейчас пусть мучается.

Через минуту, оказавшись у себя в спальне, Валгар забыл и про Лавинского и про её мужа. Большего внимания они не стоили.

Контрастный душ освежил.

Вечер Ярослав собирался провести в клубе. Карты, казино, милые девушки. Пара важных встреч с восточными партнерами. Всё, как всегда.

Зета по пути он не встретил, но увидел, что горит свет в кабинете. Мальчишка, как всегда, засел за фолианты. Изучает древние артефакты. Что ж, похвально.

Ещё несколько лет назад Дикий четко дал ему понять – будет шляться где не попадя, принимать алкоголь и курить «травку», гулять по девочкам – выгонит к чертям собачьим и спустя сутки не вспомнит его имя и что у него был приемный сын, которого он собирается назвать преемником. Если же он хочет занять его место, то должен работать. Вкалывать. Читать. Тренироваться. Удивлять его знаниями и достижениями. Иначе всё бессмысленно.

Зет оказался понятливым. Развлечения позволял себе редко. Больше всё по библиотекам, музеям да тренажерным залам ошивался. Правильную позицию выбрал.

Валгар небрежно закинул легкую куртку через плечо и вышел из дома. Погода сегодня баловала. Легкий ветерок приносил теплые потоки, солнце неспешно садилось за горизонтом, озаряя небо яркими красками. Красиво.

Ярослав неспешно спустился с мраморных ступеней и направился к своему любимому черному монстру. Автомобили были его страстью, он любил скорость и практически всегда превышал скоростной режим. Несколько раз бывало, что слетал с трассы. Добротная ухмылка тронула его губы. Вспомнилось, как лет тридцать назад он сильно пострадал в аварии – автомобиль занесло на горной трассе, и он слетел в обрыв. Едва выкарабкался. Бархат тогда сильно лютовал и клялся, что Валгар больше никогда не сядет в «чертов железный короб». Яр не

стал спорить. Зачем расстраивать старика? Раны и ожоги затянулись, и снова потянуло на скорость.

У него был большой автопарк. Самые последние модели попадали в его коллекцию. Его маленькая слабость.

Вот и сейчас, выруливая на трассу, Валгар решил немного покататься.

Он проехал не более ста километров. Вечер, как вечер и тут…

Резко нажав на тормоза, отчего машина пошла юзом, Дикий остановился. Рывком распахнув дверь, выскочил на улицу.

Безлюдная трасса. Ни машин, ни людей. Тогда отчего его грудь точно обожгло огнем и теперь распирало – ни вздохнуть, ни выдохнуть?

Странная реакция.

А всё, что странно и непонятно Яру не нравилось.

В глазах защипало и на мгновение возникло чувство, что мир закристаллизовался. Застыл. Ни звуков, ни красок. Лишь огонь, разрастающийся в груди и стремительно стекающий к паху.

И лишь потом появился запах.

Сладкий. Невероятно притягательный. Ни с чем не сравнимый.

Свежий.

Валгар жадно втянул этот запах. Потом ещё раз. И ещё.

Невероятно.

Его пробрала дрожь, и, стиснув зубы, Валгар быстро запрыгнул в автомобиль. Вдавил газ в пол и рванул с места.

Его вели инстинкты. Древние и очень опасные. Он не видел дороги, не замечал, как одна местность сменяется другой.

Был лишь запах.

Дурманящий. Обжигающий.

И жажда, что разрасталась в груди ядовитым цветком.

Валгар очнулся, когда увидел гостевой дом. Двухэтажный, с облезлой штукатуркой неприятного лимонного цвета. Когда-то ухоженные вьюны сейчас торчали тонкими прутьями. Брусчатка поломалась местами и выбоины не придавали солидности дому.

Но всё это было пустяки. Там, внутри была ОНА.

Меняющая Облик.

И она никому не принадлежала.

Да даже если бы и принадлежала… Разве его, Ярослава Валгара, это остановило бы?

Шатаясь от непривычной слабости, яростно сжимая руки в кулаки, Дикий преодолел расстояние от машины до гостиного двора, в несколько больших шагов.

И толкнул дверь.

7

Да, он ожидал увидеть красивую девушку.

И не разочаровался.

Она была шикарной.

Она стояла у административной стойки и разговаривала с хлюпиком, что пожирал её алчными синими глазками. Дикий видел всё – и капли пота, выступившие у хлюпика на лбу, и как подрагивают ресницы в предвкушении, и как бьется жилка на шее от нервного возбуждения.

Захотелось свернуть ему шею. Раз – и всё.

Чтобы никто никогда не смел смотреть на неё похотливыми взглядами, представляя, что он будет проделывать с её роскошным телом. Как снимет тесный жакет, как медленно позволит сползти узкой юбки, слишком вызывающе подчеркивающая округлость крутых бедер.

Роскошна…

Валгар на жалкую долю секунды позволил себе полюбоваться ею. Черные волосы, стянутые пучком. Прямая спина. Изумительная попка. Длинные ноги в черных чулках. Только уродливые туфли портили картину.

Когда она будет с ним, он будет её одевать в лучших модных домах.

Самое для него удивительное заключалось в исключительном запахе чистоты, исходивший от неё. Девушка не была совсем юной, как он мог ожидать – перед ним стоял не подросток, только-только вступивший в фазу созревания. Девушка достигла детородного возраста.

Тогда почему он не чувствовал от неё секса? Красива, одна, девственна.

Меняющая Облик…

Такое может быть?

Однозначно – нет.

Вдаваться в долгие размышления он не стал. К чему они? Он – тут. Этим всё сказано.

– Девушка со мной.

Милана на всю жизнь запомнит интонацию, с которой были произнесены эти слова и то первое впечатление, что произвел на неё говоривший.

Когда она обернулась, то ей показалось, что мир покачнутся. Перевернулся с ног на голову. Потому что стоящий неподалёку от неё мужчина не мог быть реальным.

В идеально сидящих на нем джинсах и черной рубашке, с легкой трехдневной щетиной и чуть отросшими вьющимися волосами, он был мужчиной из её фантазий. Да, Милана грешна. Она этого и не отрицала. В последние годы, когда мир для неё стремительно менялся, а Луна сводила с ума, она, забравшись под застиранное покрывало не раз трогала своё тело. Исследовала. Даже там. Сначала робко, боязно, стыдясь своих нечестивых порывов. Как же так… Прикасаться к себе, стремясь унять нестерпимую потребность неизведанного. Ей должно было быть противно. Но не было. Напротив, ей нравились те ощущения, что зарождались в ней, когда она проводила ладонями по съежившимся соскам. По животу. По темным кучерявым волосикам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kistyaeva_marina/dikiy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити